

Илья Беркович

Стихи

Илья БЕРКОВИЧ

СТИХИ

Геликон Плюс
Санкт-Петербург
2008

Беркович И.

Б 48 Стихи. — «Геликон Плюс», Санкт-Петербург, 2008. — 112 с.

ISBN 978-5-93682-496-8

Илью (Бориса) Берковича в равной степени можно назвать и петербургским — точнее, ленинградским, — и израильским поэтом. В Ленинграде он родился и провел первые тридцать лет, а с 1990 года живет в городе Кирьят-Арба, неподалеку от Хеврона.

Пишет стихи и прозу. Автор двух поэтических сборников, первый из которых вышел в Москве в 1990 году, а второй — в Иерусалиме в 2006 году.

Его произведения также публиковались в рижском журнале «Родник», в альманахах «Васильевский остров» и «Русский разъезд», в поэтической антологии «Поздние петербуржцы» (Санкт-Петербург, 1995), и в «Иерусалимском журнале».

В этой книге представлены избранные стихотворения Ильи (Бориса) Берковича, написанные как до, так и после переезда в Израиль.

На обложке использована иллюстрация Игоря Петровского

ISBN 978-5-93682-496-8

© Беркович И., текст, 2008

© Геликон Плюс, оформление, 2008

* * *

Лает мокрая собака,
Мчатся улицей прямой
Клочья дыма, света, мрака,
А столяр ушел домой.

Сбросили машину жести
Прямо в лужу у ворот,
По асфальту тащат вместе.
Лист скрежещет и поет.

Ярко-красными руками
Брошюруем, гнем и шьем.
Ледяными молотками
Пропитание куем.

Горизонт бы, что ли, треснул,
И, протиснувшись, гонец
Нас по милости небесной
Отпустил бы наконец.

И под полый стук киянки,
Под гнусавый звон фрезы
Подползает он на танке
Ледяной ночной грозы.

Имена по стенам ловит,
Хрустнет сломанной доской,
И машину остановит
У столярной мастерской.

Дождевые человечки
Моют запертую дверь,
А столяр сидит у печки,
Хорошо ему теперь

НОВОСТРОЙКИ

Я помню меченые баки,
Границы между сковородок,
Как у соседки в час атаки
Четвертый прыгал подбородок,

Как ширма разделяла семьи,
И на единственном трамвае
На край застройки в воскресенье
Мы ездили смотреть на сваи.

Но я не мог из этих спичек
Представить будущего дома.
Хотя бы стеклышко, кирпичик —
Все было дико, незнакомо.

...В отдельной комнате, как в маме,
Я высидел до слова «зрелость»,
Я вытер потолок глазами,
Все стены исписал стихами,
Здесь музыка моя вертелась.

А вот и новые обои,
И надписи под ними — силос.
Мне стало тесно с тем собою,
Вся кровь моя переменилась,

И к новоиспеченным башням
Опять между кустов и кочек
Трамвай, как путевой обходчик,
Идет с достоинством всегдашним.

А я гляжу в окно, зеваю,
И понимаю, прозреваю:
Все небоскребы — это сваи,
Все новостройки — просто сваи.

Все эти чушки и коробки,
Натыканные глупой чащей,
Войдут заподлицо, как пробки,
И дом поддержат настоящий,

Где будет место детям малым,
Где будет жить отец в колоннах,
Где будет грудь дышать порталом,
И мать глядеть из лук оконных.

Потом опять созреет дата,
И мраморная лопнет кожа,
И правнук выскочит куда-то —
Не выше нас, а просто позже.

Он будет прыгать, спотыкаясь,
По кочкам облаков, быть может,
Роняя плащ и матюгаясь,
Пока трамвая не проложат.

РОМАНС

Я как-то плыл на корабле,
А был я полный человек.
Тебя увидел на скале
И полюбил тебя навек,
Тебя увидел на скале,
Во мгле.

Корабль шел в открытый мрак,
Прожектор съел последний буй.
Бензоколонка и кабак
Кричали с берега: «Наплюй!
Придешь по лестнице огней
За ней».

Я был — вареное яйцо,
А стал — обглоданная кость,
Но я люблю твое лицо,
Оно ведь тоже не спаслось,
А сморщилось и расползлось
Вкривь-вкось.

Но если б черная вода
Основа страшная чернил
Не разлучила нас тогда —
Тогда бы я не сохранил
Такой брильянтовой росы,
Дистиллированной слезы...
Прочь, псы!

* * *

Гол и зол
Вид беды,
Меден вкус беды.

В валидол кладут ментол,
В гроб кладут цветы.

Ну а там,
Где венкам
И духам не лечь,

Немцам слышится орган,
Неграм слышится тамтам,
Русским — пение цыган...

* * *

Бинт бумажный от рам
Отдирается с болью и пылью,
Дернешь форточку — сразу
Световая по комнате дрожь.

А над пасмурным озером
Ветренно хлопают крылья,
Поднимается в небо дракон,
Начинается дождь.

* * *

Мне нравится твоя
балетная походка,
Спокойные глаза и спелая коса.
В ней чувствуется зной
И винтовая водка,
И болью тянущей набитая оса.

Но заглянуть в тебя
Без возрастного шока
Мальчишке не суметь,
А взрослым — просто лень.
И жирной зеленью июльского потока
Уже подвяленной, пожившей, как осока,
Я мажу о тебе простое слово «день».

Подросток и старик, лечу из утра в вечер,
Смотрю без зависти, как твой любовник — жнец
Опять из-за угла выходит мне навстречу.
Сегодня. Данность. День. Законченность. Конец.

ДИМИН ТАЛАНТ

Из грязного снега блестящий, ничей,
И гнилью, и свежестью пахнет ручей.

Талант — это видеть блестящий разлом,
И чувствовать силу под самым крылом.

В ушах отзвенело, рассеялся дым,
И мы на раздолбанном поле стоим.

Талант экспедитора сел в мерседес,
Талант романиста на полку залез,

А Димин талант провалился туда,
Откуда приходит живая вода.

* * *

Солнце, как маятник,
Шаря по Невскому,
Слово «любовь» нацарапало нехотя,
Локоть соседа ощерен, как свастика,
В уличном тире за стойкой из пластика.
Пестрые ленточки, яркие фантики,
Песни, цветы, этикетки и бантики —
Все, что подарено, все, что расцвечено
Пряничным золотом летнего вечера...

* * *

Да, шизофреник. Да, больной.
Я был испуганный свидетель,
Как он в июльский выходной
В очередной раз съехал с петель.
Вдруг начал пугать да и нет,
Стал как-то пристален и светел.
Мы шли по парку. Я заметил —
Его глаза меняли цвет.
Как свод при ветреной погоде —
То потемнел, то синим пышет.
— Володя! Дождь пошел, Володя! —
А он уже меня не слышит...
Он задвигался, запирался
На очень крепкую задвижку
И торопливо пробирался
Через невидимую книжку.
Глаза, как стекла в костной раме,
Узоры текста повторяли —
Он шел славянскими путями
Назад, сквозь время, по спирали.
Он шел сезонами, зверями,
В лесу сужал зрачки в иголки,
Косил, как конь на вольном яме,
В степи ощеривался — волки.
Прыг — с добрым заячьим юродством,
Взлетел и стал шаман, тетеря
И повернул с весенним ростом

На будущее от празверя.
Сквозь лето — Киев, в Петрополис,
В Октябрь, к нам, уже зимуя,
И время из древесных колец
В стальную растянул прямую,
Я думал — ужас! Но ведь шире,
Чем мелочь опытную множить,
Все поднимать себя, как гири,
И утренней водою ёжить,
А в нем опять листва сложилась,
И лето отыграло кантри,
И осень пела и кружилась,
Как колесница махамантры.

* * *

Жалко, что мы не осины, не тополи.
Были бы стройными, были бы ясными.
Мы бы пустеющий воздух заштопали
Листьями желтыми, листьями красными.

Осень была бы спокойною, статною,
Вовсе не страшною, раз не последнею,
Мы бы не рвались в дорогу обратную —
В жизнь нашу раннюю, в жизнь нашу летнюю.

Осенью едем назад в неизвестности:
Может быть, смерть там, а может — Америка.
Только бы снова проехать то место, где
Поезд идет возле самого берега

* * *

Пришли из-за реки
Четыре тысячи лет назад,
И люди с тех пор шипят:
«Эй вы, из-за реки!»

А камни и васильки
Ти-ихо так говорят:
«Слушай, ты, из-за реки,
Ты не ходи назад».

Юго-запад зашит,
Море служит в Крыму —
Расступиться ему
Вряд ли кто разрешит.

Пойду на юго-восток
Через скошенные поля,
На ночь залезу в стог,
И меня укусит змея.

ПЕРЕВОД

Солнце финиковой долины
Кидает о звонкую землю поддон,
Потом ставит ногу на этот поддон,
И давит, и давит на этот поддон.

На столе в сарае лежит молитвенник,
Написанный светом и тенью.
Все в нем, кроме света и тени,
Выжжено до пустоты.

Осталось рано вставать,
Благодарить за тело,
За полости тела и душу.
Это то, что осталось.
Это работа.

* * *

Великий шут огромных городов,
Кошмарных толп, безжалостного света.
Он — Гамлет. Но всегда, всегда готов
Кричать ослом. И понимает это.

.....

А царь так бесконечно многолик,
Что шут уже не зеркало, а вежа.
Пытается играть людей из книг —
И ничего не может, кроме века.

Играя гнев, презрение, любовь,
Играет только век, в его манере —
Жевательной резинкой на барьере,
Чуть розовой от выбитых зубов.

ПСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Дождем и темнотой штрихованы дома,
Пропитаны дома, и только между бревен,
В щелях, куда еще не просочилась тьма,
Колышется рассвет — мохнатый серый овен.

Поленница гниет, не стряхивая тлен,
Старуха с ведрами согнулась у колодца.
Полощет на ветру, как полиэтилен,
Оставшийся народ. Наверно, он сорвется.

Хозяйка под дождем с подойником плывет,
К ее ногам выпрыскивают кошки,
И знает пасынок, курящий у ворот —
Когда его простят, ему дадут картошки.

* * *

Мне было лет десять или двенадцать
Мы пошли с матерью за железную дорогу
Одуванчики еще не начали оперяться,
Их горький мед был слышен лугу и лугу

А солнце было обуто
В мягкие листья перечной мяты
И светило как будто
За тысячу лет до заката.

Много раз с тех пор оно воскресало
От вина, от пережитого страха,
Спускалось сквозь пыльные окна спортзала,
Стреляло и жгло из паха

С нового неба над башней УМСА
Метало в нас золотые этроги*,
Но никогда не бывало таким как
В полях, у железной дороги

Я не жег даром свет, я не жил быстро,
Смотрел в окно, как оно не садится,
А облака, уходя, отрывали от круга по искре,
Пока не осталась только розовая водица.

* Этрог — разновидность лимона.

Мои соседи говорят постоянно
О Невидимом Солнце и его великом законе,
И звучит это, как если бы обезьяны
Хором запели квартет Альбиниони.

От их пения усиливается простуда,
Нападает отчаяние и охота
Бежать отсюда, бежать отовсюду, —
Но тут край сияния показывается из-за поворота.

Поезд тронулся. Проплыло окошко дачи,
Женщина с сыном, пруд. Кончается отпуск.
Почему же закатный клен все ярче, ярче и ярче
Если он только отблеска отблеск?

* * *

Над моей улицей, как она есть,
Сорванная с крыш, летит по воздуху жесьть.

Вся моя улица, как она есть,
По весне цветет, хотя тут нечему цвествь.

На моей улице, как она есть,
Проститутки отдают друг другу честьь.

По моей улице, как она есть,
Всадник скачет все еще и мне несет вествь.

* * *

Дождливой ночью небо-отец,
В засуху небо — мать.
Воду надо откуда-то взять,
Чтобы потом отдать.

А у земли просто нет дождя,
Понимаете? Нет дождя.
И стволы идут в небеса, как дождь,
Но секутся
И останавливаются,
Не доходя.

* * *

Прости, но наших амулетов —
Монет проколотых, браслетов
Распиленных — я не донес.
Их отбирали на заставах.

Я помню вечер. Скрип колес.
Кривых, намазанных и ржавых.
Я помню тачку. Помнишь: я
Тащусь, согнувшись, Вавилоном.
Отец кричит: «Быстрее, семья!»
И поворот повис над склоном,
Где нашей улице конец.
Перевалю — полноши скину.
Чей взгляд мне в спину?
Взгляд мне в спину.
«Быстрее, семья!» — кричит отец.
Вдруг это ты. Вот не хватало.
Ведь мы условились — без слез.
Нет, ты осталась, ты отстала,
Твой дом уже за два квартала.
Я оборачиваюсь: пес.

Ты что, проститься, друг ушастый?
Счастливым — нам не по пути,
Беги домой, хвостом крути,
По улицам, как раньше, шастай.

А мы уже три дня одни,
Мы слышим звук, и звук нас гонит.
Мы не такие, как они,
Как вы!
Я, видимо, не понят.
Уйди, ты слышишь? Я всерьез.
Пошел отсюда. Слышишь? Двину!
— Быстрее!
— Иду!
Но взгляд мне в спину.
Я оборачиваюсь: пес.

Бульжник медленно летит.
Собака поджимает лапу.
Мы повернули. Как по трапу.
Как ось проклятая хрустит!
И я бы отдал все, что вез,
Чтоб этого не слышать хруста.
Я оборачиваюсь: пес.
Я оборачиваюсь: пес.
Я оборачиваюсь.
Пусто.

* * *

Темная осень. Красный трамвай,
Нежные, белые щупальца свай,
Яркие фары, мокрый асфальт,
Темного света алыт.

Блочных домов недостроенный хлев,
Яблочноматовость желтых дерев,
Просто смотреть на них и называть.
Просто, как целовать.

Капли косые со стекол утри —
Нам не дано посмотреть изнутри
Духом антоновки или червем —
Ладно, так проживем.

Тихо пытаются клен и ольха
Небу цветного пустить петуха
И постепенно идут в темноту,
Как огонь на свету

* * *

Пилюлькин был прелюбодей.
Любил он, грешный пес, конфеты
И к берегам недвижной Леты
Шагал без страха и идей.

Он был на всех котов похож,
Котом его и величали.
Мужья легко ему прощали:
Пилюлькин... Что с него возьмешь?

А он не жил за женский счет,
Не плел за женский счет карьеры —
Он просто их любил без меры
И ждал — какая отопрет.

Бывает день — болит живот,
На службе — ад, в квартире — жарко.
Но вспомнит вдруг, что есть Тамарка,
И сразу как-то оживет.

...Но позапрошлою зимой,
Как комариный звон, как зуммер,
Разнесся слух: Пилюлькин умер!
Я бросился к нему домой.

Толпа толкалась у дверей,
Из окон вопли раздавались,

Там вдовы разделить старались
Его наследство поскорей.

По комнате летела вата,
Но в перештопанных носках,
Подушках, носовых платках
Ни денег не было, ни злата.

Лежал Пилюлькин на столе,
Не замечая их нимало,
А смерть уста его сжимала
И проступала на челе.

Я кинулся наперерез
И в каменеющее ухо
Шепнул: «Очнись! Ведь есть Надюха!»
Пилюлькин вздрогнул и воскрес.

Пилюлькин, миленький, живи
Под пенье арф и звуки кимвал —
Единственный, но зримый символ
Того, что смерть слабей любви.

* * *

Сто грузовиков идут на север
С раннего утра ползут они.
В яркий полдень незаметно светят
Пыльные, усталые огни.

Руки шоферов висят из окон,
Словно рыбы снулые хвосты,
И табачный бесконечный кокон
Скручивают в нитку пустоты.

Дотянуть бы до водораздела,
Как слепой ступающий в следы
Съехать в Хайфу, в койку бросить тело,
Слушать ночь квартала у воды.

Где в любом случайном разговоре
Вроде «дочку с сада забери»
Сквозь слова просвечивает море —
Континентов вечный рефери

* * *

Рабочий видит руками
Мокрую серую шерсть,
Рабочий видит руками
Ржавую рыжую жесьть

Там отошла проводка,
Тут заело патрон,
Справа лишняя сотка,
Слева лишний микрон.

Мне говорили: Миша!
Это ниша твоя.
В жизни главное — крыша,
Хлеба кусок, семья.

Мне говорили: Миша!
Это правда сама.
В мире людей, чем выше —
Тем непролазней дерьма.

Истина — там, где кошки,
Серые горбыли,
Синий огонь картошки,
Глиняный торс земли.

Я соглашался с ними,
Загружая сырье.
Миша — славное имя.
Только вот — не мое.

* * *

Шуршит морская ночь и шепчется с душой,
Таращит бледное светило.
И малая звезда в погоне за большой
У края облака застыла.

Когда ты молодой — ты светишь сам себе,
Освобождая ненароком
То море черное в извечной молотье,
То серый горизонт под током.

Проходят дни и вот, седая мышь,
Мешки предметов и явлений
Слепыми лапками когтишь
И вопросительно пищишь:
«Ночное море? Пляж осенний?»

И правда, ночь. В воздушном кулаке
Эспандер разноцветных пятен,
Всемирный океан на длинном поводке,
И где-то выключатель спрятан.

* * *

Когда я стал старый и страшный,
Как пристанционный клозет,
Я начал читать объявленья
На задних страницах газет.

Не наше, не наше, не наше,
А вот, например: У ОКНА
ПРЕКРАСНАЯ ЖЕНЩИНА МАША
СИДИТ СОВЕРШЕННО ОДНА.

Посреднику выслана сотня.
«За почтой есть узкий проем.
Придете в четыре, сегодня.
Нет, мы адресов не даем».

Проулок горячий и узкий
Потеет, икает и пьет.
Рукав кашемировой блузки
Струей вентилятора бьет.

Промасленный выхлоп пекарен
Сгущается тихо в грозу,
И я, пережаренный барин,
На поиски Маши ползу.

За дверью сказали: «Открыто».
Уставившись в пятый канал,
Сидели Димон и Никита.
Я сразу, я сразу узнал

Их запах вонючий и сладкий,
Их рыльца насосанных вшей.
И страшные мертвые складки
На бритых завалинах шей.

Димон прогундосил спокойно:
«Чего разговаривать с ним?
Ты, дедушка, если не понял —
Сейчас мы тебе объясним».

Больше спасибо, ребята.
Лишь помыслы были б чисты.
Не жаль мне зеленой бумажки,
А жаль предпоследней мечты.

* * *

Полагается и мне,
Как всем жителям востока
Чистить яблоко для солнца,
подавать платок луне.

Солнце гонит медных блох
Грызть подсолнухи и маки,
Выжигает труп собаки
В желто-рыжий полумох

А когда задуют печь,
И еще горячим вынут
Над мечетями остынет
Полуноготь-полумеч.

* * *

Ахмед идет к Аллаху.
Из сумки торчат провода.
Поле запретных сайтов.
Розовый лед, вода

Новости, спорт, покупки
Сексуальная смесь.
Это твое пространство —
В остальное не лезь.

Ахмед подходит к забору,
Кусачками давит спираль —
Собственно, тот же провод,
Но озверевший в сталь

Стали гораздо приятней
Рвать человека, чем греть.
Мы продаем колготки.
Это всемирная сеть.

Девушка в синем платье,
Сосен утренний рой
Встречи пинга и понга,
Поезда под горой.

Выданы единовременно,
Выданы вместе с душой.

Хочешь купить повторенье?
Ты ведь теперь большой

Шарик получишь даром.
Шарик я приберег.
К сердцу дойдет капилляром
Крохотный пузырек

Ахнуло. Я не вижу,
Где потолок, где пол.
Ахмед ближе и ближе.
Мертвый Ахмед вошел

В ключьях важнейших связей
В крошке умнейших схем...
Видно и без проводки —
Все сплетено со всем.

Сколько бы не было судеб,
Сколько бы не было стран.
Девочка щелкает мышкой
И смотрит на черный экран.

* * *

Сегодняшний день — полукровка
Родители — листья и лед,
Дорожки асфальтовой бровка
Стихиям срастись не дает.

Налево бессонную пасту
Немерзнущей речки клоня,
Направо — морозный по насту
От вечного отблеск огня.

Сегодняшний день, пострадавший
За маму и папу вдвойне,
От их перепалок уставший,
Рожденный на мокрой броне,

Он крепок, как всякие смеси,
Породистой спеси лишен,
И в слякотной сонной завесе
Никак не окончится он.

Подкинет то запахов давних,
То нужного слова петит,
И долго на крыльях неравных
Неровных сезонов летит.

* * *

На заднем дворе, в набухающем сквере
Туда и сюда открываются двери,
За спинами — стенка. За стенкой — другая.
Тебе не наскучило? Нет, дорогая.

На улицах зимних, на лестницах смрадных,
В роскошных прокуренных грязных парадных
К стене прижиматься от скрипа, от слова,
За пазуху пряча бутылку сухого.

Вдали от эпох кабинетов отдельных
От холода прятаться в желтых котельнях
И долго потом леденеть, раздувая
Далекие фары ночного трамвая.

* * *

Я вчера городище копал.
Черепок под мотыгу попал,
А на нем, опустившись на щит,
Фараонова птица пищит.

Почему же тюремщик всего
Для портрета избрал своего
Не быка, не крылатого льва,
А пичугу тилинь-голова?

Это буква ивритская «йод»
Это существование пьёт
Из висящего в небе лотка,
А напьется, взлетит — и пока.

Полетит над каленой землей,
Над густой, бесхребетной лозой,
Над светящейся дробью камней.
Тени, тени, вы стали темней.

* * *

В телевизоре гундосят,
Митингуют и поют.
В жизни — имени не спросят,
Обсчитают и убьют.

Ничего не помогает.
Миша учит свой иврит.
Дети с визгом пробегают.
Кошка мяу говорит.

* * *

Восьмимоторная муха
В-52
В зимнем комнатном небе
Чудом осталась жива.

Родину разбомбили,
Цели внизу горят,
Летчик свободен, или
Так о нем говорят.

Свобода живет, как выстрел,
В любом настоящем броске.
Если резко и быстро —
Дважды в одной руке,

В раскатах любого скандала,
В разрядке любого ствола,
В пустом весеннем звуке
Бьющегося стекла.

Порою она воскресала
(Больше нет, не проси)
Ударом крыла о кресало
Асфальтовой полосы.

Потом начинается время,
Следствие, стыд, зима.
Рай, если просто печень
И пропитые тома.

* * *

— Я родился на рынке, а читать научился в тюрьме.
Апельсины по шекелю — дело к зиме.

Тот, кто возит за счетчик из порта на автовокзал —
Папа всех фраеров,— это Хаим Данино сказал.

Мама жарит, жена покупает, амулеты хранят.
Я везу тебя в горку, такой уж нам дали подряд.

Я бы вышвырнул всех вас, но в армии будет разлад.
Вот за это я должен любить тебя, Саша, мой брат.

— Я родился за шкафом, у клеенкой обитых дверей
Между льдистым окном и тяжелым теплом батарей

Кроме мамы и дедушки, сахара, книг, одеял,
В нашей комнате вечно неназванный кто-то стоял.

Мне назвали его, мне сказали, что он — это я.
Я схватил чемодан и в его заявился края.

Мне такси подают, и, что он — это ты, говорят.
Вот за это я должен любить тебя, Моше, мой брат.

* * *

Силы зла идут в атаку.
Я спустил на них собаку.
А собака к силам зла
Аж на брюхе поползла.

Силы зла заходят сбоку.
Я решил подставить щеку.
И подставил бы еще —
Но больше нету лишних щек.

Силы зла ведут с собой
На погибель, на разбой.
Я покорным притворюсь,
А в дороге испарюсь.

Нету щели, нету ниши,
Совесь ест меня, как мыши.
Не валю на силы зла,
И себя не жаль, козла!

* * *

Можно лес представлять, восседая в зеленой беседке,
Можно перьев собрать. Можно жить в соколином обличьи,
Можно даже понять, как охотники выглядят с ветки,
Но, когда в тебя выстрелят, — ты закричишь не по-птичьи.

Отодвинется задник, не станет деревьев прекрасных.
Опрокинутся статуи, медленно свалятся маски.
Будет самая высь, и не нужно ей даже согласных —
Только воздух на выдохе, боль и певучие связки.

* * *

В похожих на захватанное зеркало очах
Я вижу не себя и не бутылку, а рычаг.
К вискам твоим крадутся
Два тихих проводка,
Ты нажимаешь, и тебя
Не оторвать от рычага.

На музыку и мужа,
На книги и табак
Ты смотришь, как на озеро
Опытный рыбак.
Закидываешь удочку —
Пошло, пошло, пошло —
И в тренированных мозгах
Уже нескучно и светло.

Вечер был испорчен —
Ни флейтиста, ни вина.
Глядь — облачко удобное —
Белая длина.
Нажала, улыбнулась,
Застыла на века,
И даже зоркий Леонардо не заметил проводка.

* * *

Созрели в сумерках огни
Зеленый, красный, золотой —
Автобус, светом налитой,
Мигнет — все сбудется. Мигни!

Мигнул. Плюю через плечо
В рябую лужу, в полутьму
И говорю пускай обще, пусть непонятно никому,

Что на меня идет стакан
Стихов и света и скорбей
В грязи осенней по бокам.
Качнись — и все-таки отпей.

ВРАЧ

Адам был крепок,
Но слишком груб и горяч.
Я послал врача. Мой сын замечательный врач.

Он развел ему кровь
И к самой душе поднес
Лепестки своих ангельских
Белых венчальных роз.

Но покойный Адам был слишком туп и незряч.
У него был чудесный...
что теперь скажешь, врач?

Врач щиплет белую марлю потупясь,
Щиплет белые флаги, светясь,
И снег его ангелов
Падает в пепел и грязь.

* * *

Вдали темнеют села,
Колокола звонят.
Куда ведут ягнят?
Как холодно...
Как голо...

Ягнята сбились в кучу,
А пастухи глядят
Со страхом вверх на тучу.
Сейчас ударит град.

Да нет. Кривой улыбкой
Порозовела высь
И гром осенний, зыбкий
Сушеной вылез рыбкой:
«Не трону. Не боись».

* * *

Я люблю рядовых,
Серый бетон полка
В полдень, когда у них
Освещены бока,
На закате, когда
Есть и лежать иду,
А район, как звезда
Сотого ПТУ —
Асфальтовая рука.
Бетонная щека.
Красный,
Черный,
Синий цвета,
Пластмассовая серьга.

* * *

В примятом сене шевелились осы.
Подполз автобус в земляном дыму,
И люди, подбежавшие к нему,
Все были молоды, русоволосы
И смеялись...

Мне кажется, мой дом — ворота.
Я постоянно слышу плач.
В горах срубили карагач,
А может, в поле плачет кто-то.

А может, это поднялись
В степях, похожие на рис,
С песком и крапом сорных трав,
И завихрились, пронеслись,
По ходу землю ободрав,
Кочевники, и дают злей,
Сильней, на юг, через нагорья,
И в латку Средиземноморья
Строгают перцы кораблей.

А может, выходя на сушу,
На берег самых первых стран,
Цветные сушат барабан —
Свою ритмическую душу.

Мне кажется, что я — корица.
Я был подкоркой лавра. Я
Прошел весь долгий плен жилья.
Настало время раствориться.

* * *

Дряхлые господа
Хуже незваных гостей
Их серые города —
Груды рыбьих костей.

Побережье земли,
Свившись в трубу, зовет
Новые корабли,
Новых господ.

Все кто здесь жили, все,
Кому царить довелось,
Стелют к воде шоссе
В восемь полос.

Римлянин гонит каток,
Турок кладет бордюры,
Араб, опустив платок,
В скалу забивает бур.

А по-над ним свистят,
Как по камням река.
А над ними блестят,
Заселив облака,

Новые господа.
Ровный и мощный гул.
Их белые города —
Зубы акул.

САШЕ СОКОЛОВУ

Сидим и ждем, как девушки в гареме.
Вот вырвемся — пожалуемся маме.
Ой, мама, пролетает наше время,
Как облака над блочными домами.

А мама занята. Пойдем в тупик!
Пойдем в тупик, заброшенная ветка.
На ветке почка — ржавый паровик.
А в тупике — дощатая манжетка.

В манжетке бьется фабрика — рука
С большой трубой. Дымок на черном дуле,
А из него, как медленные пули,
Все время вылетают облака.

Да нет, не облака, а пузыри.
Не пузыри, а, знаете, такое,
Как светлые глаза в часы покоя,
Как радуги, как оттиски зари.

Труба дрожит, выбрасывая в дали
Объемные живые витражи.
А из чего их гонят? Не дрожи,
Мы не пришли бы, если бы не знали.

На пустыре нетронутый зимы
На рельсах мы стоим вполоборота.
Ой, мама, открываются ворота.
Ой, мама, мы идем в ворота, мы...

* * *

Слуга делегаций, гвоздика,
Газетных речей эпилог,
Хотя это странно и дико —
Ты все-таки наш цветок.

Тебя приносили на пьянки,
Стыдись, за спиной суеты —
И в пыльное горлышко банки
Скорей наливали воды.

Зимой продававшие ложки
Расчески и карандаши,
Цветочницы — серые кошки
В жестянки кидали гроши.

Предчувствие вечера зреет,
Рельефные тучи висят,
И Невский в щели пламенеет,
Как первые сто пятьдесят.

Ты светишься строго и влажно,
Ты цветом играешь зарю,
И мне совершенно неважно,
Кому я тебя подарю.

* * *

Все делили. Смотрели, как падает лес,
Как колючка натянута возле небес,
И в прощальную ночь до этапа, без сна
Накололи друг другу свои имена.

Так, братаясь, дарили друг другу кресты:
Ты теперь — это я. Я теперь — это ты.

Брат работал в порту. Смерть пришла по песку.
И когда его чикнуло вкось по виску
Перетершимся тросом, точнее пера,
Брат на просеке не уронил топора.

Время молча ведет ледяные моря,
Как бесцветный полуденный свет декабря,
Несказанный, дразнящий мучительно свет,
Ни названья, ни краски, ни образа нет,
Если слово свое я к нему подберу —
я умру.

И не морщит поверхности этих морей
Ни слезинка, ни холмик, ни вежа.
Только надпись на пальцах
Начальника цеха.
Только надпись:
«Андрей».

* * *

Мой город в шесть утра уже открыт —
Течет, что собралось в ночной запруде.
«Сайгон» имеет обгорелый вид,
И — Боже мой! — туда стучатся люди.

Мой город весь — чугунный частокол,
Деревья прорастают сквозь решетки,
Но каждый лист хранит рисунок четкий —
Портрет ограды, пронизавшей ствол.

Мой город смотрит. Нехотя, скользя
По нашим лицам, словно мы — газета,
И мы идем в прозрачные, без света,
Прекрасно оперенные глаза.

* * *

Здесь полчаса прожить — работа,
Здесь чудо дикое — любить,
Здесь могут запросто убить
В парадной — примут за кого-то.

Здесь четверть года все мертво
И землю стягивает пленка,
А я привел сюда ребенка,
Не отказался за него.

А маленькое существо
С лицом неясным, с мягким телом,
Глядит на двор, покрытый белым,
Еще не помня ничего.

МОБАЙЛ

Зима с акватории мыльной
Домой загоняет внучат,
А музыка сделалась пыльной
И ноты давно не звучат.

Их надо из опусов вынуть,
Развесить вдоль мокрой стены,
И ветром пронзительным вымыть
Как простыни или штаны.

Пускай позвенят друг о друга,
Пусть прошелестят с высоты
Короткого зимнего юга
Что «я» невозможно без «ты».

Адамово дерево мажет
Электросиренью пятно,
По серому мягкому небу
Летит голубое окно

И скоро подобием гола
В почти уже летний апрель
Забьет музыкальная школа
Натужную, громкую трель.

* * *

Фарцовщики поймали конкурента.
Из общей кучи вылетел сапог,
Канадский нейлоновый платок
И, кажется, обложка документа.

Бетонный мостик, столбики, песок,
Звучат, как бонги, банки из-под пива.
За узенькой полоской вдоль залива
Сосновый лес на полчаса просох.

На Выборгском шоссе, над головой,
В звучании осеннего аккорда —
Хрустальная автобусная морда,
Платок и надпись: «Kuralainen OY»

* * *

Литейный пахнет кофе. Опять весна
Володя снова видит стену из окна.
И не праздник,
И не закат,
А просто стенка, и на ней плакат.

Как много в людях жизни — просто страх:
Убьешь его — а он опять на ногах.
И не чудо,
И не фантом,
А просто кошка с перебитым хвостом.

* * *

Священник старенький у Бога
Собаку верную просил.
Ему из облачного стога
Ответил грозный Михаил:

— Пойми, ты сам ей пост устроишь,
Подклеть мясную не запрешь,
Убьешь, и в садике зароешь,
И зарыдаешь, и уйдешь.

Проси ума, здоровья, слуха,
Хоть пива чешского проси,
Но яблоню Святого Духа
Любовной просьбой — не тряси:

Ты сам любовь свою построишь,
И только сам ее убьешь,
И только сам ее зароешь,
И зарыдаешь, и уйдешь.

* * *

Дева скачет на коне
Конь доскачет. Дева — не
С сонным вздохом конь падет,
Дева пешая пойдет
Отдышаться в никотин,
В сырость утренних гардин.
Дева, дева, не глуши
Топот слева от души.
Стук будильника побит
Приближением копыт.
Выключателя не тронь.
Тень. Дыханье. Ощупь. Конь.

* * *

Из мыла профиль изваял,
И этим профилем стоял
К тебе, единственно горячей,
В воде холодной и стоячей.

В тепле растаял мыльный аз,
Я повернулся в полный фас,
Но твои руки холодеют,
Мерцают, никнут и не смеют.

* * *

Татарский угол зелен, пуст,
А на могиле Исмаила
Жасминовый взорвался куст —
И дверь к ограде приварило.

Расцвел — а значит, прощены
Кривая служба инженера,
И своеволие жены,
И недостаточная вера.

Сточился лунный ятаган.
От жизни дерево осталось.
А имя взрывом по врагам,
Чалмой, жасмином написалось.

* * *

Рывком зима вошла.
Сумятица убита.
Природа обрела
Пришур Царя — Гранита.
Достань из-под полы
из тьмы
со дна
Невинный то ли шарфик,
то ли
флаг —
Тотчас над мостом полная луна
Показывает мраморный кулак.

Костяшки облаков
На галстуже заката.
Зима не виновата —
Нельзя без кулаков.

Ей, бедной, дан приказ —
Чтоб дух осенний замер,
Крошить руками мрамор
И сыпать вниз, на нас.

ПОРИЦАНИЕ МОНАХА НИКОДИМА ЗА ПРЕЛЮБОДЕЯНИЕ И ИЗБИЕНИЕ ДОНОСЧИКА

Ах ты кобель, ах ты козел Никодим!
Ах нашкодил, ах нагадил — наблудил!

— За девушками ухаживал я
За девушками — ух! — хаживал я
Монастырская достала суета
Как стемнеет так бегу за ворота
А монах за мной по стенке идет
Щурит зенки и на цыпочки встает
Я проезжее такси подхвачу
А монах сейчас мигнет «Москвичу»
Я дворами-переулками бегу
А монах уже в дверях начеку
Я к окошку по трубе доползу
А там монах сидит — жует колбасу
А я тенью голубиною
Лечу в шкаф а там любимая
Мы ложимся с ней на полку дежать
А эта сволочь будет в щелку дышать
Тут я выскочу в чем мама родила
Да как дам ему за эти за дела.

— Ах ты кобель, ах ты козел Никодим!
Ух засадим, замуруем, заедим!

— Так он самим же вам дышать не давал
На самих на вас доносы ковал

Да он живой он сразу как завизжал
И прямо в двери головой побежал.

— Ах ты кобель, ах ты козел Никодим!
Вот за это мы тебя и не простим!

— Упустил, прости, отец Фома!

— Чтобы в последний раз, анафема!

* * *

Игорю Петровскому

Заварили чаю на костре живом
Руки защищая ватным рукавом,
И сказал напарник, стоя над огнем,
Глядя в кружку чая и читая в нем:

«Длинные машины, белые дома,
Пальмы пожелтели — вот и вся зима.
Я б ни на минуту не остался здесь,
Если б знал наверно, что свобода есть.

Из бензопилы бы сделал вертолет,
Поднырнул бы в рыбу под чухонский лед.
Напиши оттуда, не сочти за труд:
Правда есть Флорида, или эти врут.

Или заграница — радиовранье
Ведь никто из наших не видал ее».

Белые машины длятся и блестят,
Пальмы не желтеют — сохло шелестят.
Из окна Пассата я метну канат
В год восьмидесятый, на Промкомбинат.

Дорогой мой Гога, вот тебе ответ:
Заграницы много, а свободы нет.

Только если стекла флагом протереть,
Только если прямо больше не смотреть,
Повернуть налево, разорвав затор,
Выехать на берег, выключить мотор,

И увидеть в небе свет углей в золе,
След мечты летящей на бензопиле —

Брат ты мой напарник, редкий самоцвет:
В мире есть свобода, а Флориды нет.

* * *

Мир сделан из сизого камня
Июльских промасленных трасс,
Из серого, белого камня
Промышленных пыльных террас,

Из проданных мегамотками
Морей силиконовых сот
Есть все в них, но нет ни глотка мне
Смочить пересушенный рот.

Обочины всей-то полметра
Скала принимает меня,
Платформа в облатке из ветра
Проносится мимо, гремя

И нишу ощупав руками
Я снова шепчу: Ничего.
Мир сделан из этого камня,
В нем нет ничего моего.

ОТЕЛЛО

Вот Маша. Ее полюбил динозавр.
Отец ее старый скупой бакалавр,
А брат — шепелявый Аркаша.
Несчастливая, бедная Маша!

— Мамаша! Меня полюбил динозавр,
А муж мой — тупой бородавчатый мавр,
Но скоро, но может быть завтра
И я полюблю динозавра.

* * *

Мальчик Костя любит кошек,
У него их целых пять
Все грызут сухой горошек,
И не просятся гулять,

Только рыжий кот клокастый
Вроде Костина отца
В дверь выстреливает пастой
И по-тя-гивает-ся.

Костя не боится грузов,
По три ящика берет,
Так устраивает кузов —
Хоть плати ему вперед.

Но заплатишь — он исчезнет,
Только хвостиком мелькнет
В непрозрачной теплой бездне
Под названием народ.

Я — чужой, меня не били
Головенкой о гармонь,
Манной кашею кормили,
И водили в филармонь,

Я об их недоле плачу,
Их беспечности дивлюсь,

Под рубашку деньги прячу
И спиной не становлюсь

А из бездны, с черной ленты.
Однородны и густы
Сходят новые доценты,
Штукатуры и коты.

Рыжий маленькую птицу
Кверху лапками принес.
Мальчик Костя лег в больницу.
У него туберкулез.

* * *

Ты хочешь прожить, не боля,
Ты хочешь прожить, не боясь,
И формой литейной для змея,
И фоном ее не пленясь.

Отправить родителей в кассу,
И в жарком, недолгом пути
Себя, как творожную массу,
В прозрачном пакете нести,

А к черным оттиснутой дате
Шепнуть в нарастающий дым:
«Срок годности кончился, Батя,
Отдай это кошкам своим».

Ты хочешь быть лютиком в сквере,
Без водки, без нервendraже,
Без страшной коричневой двери
В углу, на шестом этаже.

Рассветом о дверь ударяет,
Заряженный глазом глазок
Стреляет, пустеет, ныряет
За сном, уходящим в песок.

Не надо ссылаться на Бога,
Он создал и спички, и тес.
Ты просто боишься ожога.
Ты хочешь прожить не всерьез.

* * *

Грузин, татарка, я и двое русских
Весь день смотрели в фотоаппарат.
Часы остановились, и закат
Остановился в рюмках и закусках.
Пересудили жен, Союз, отъезд
И тщетность перемены мест.
Бела у каждой темы борода.
Хотелось петь, но нету общей песни,
И как поэт пустился тамада
Описывать историю болезни.
Мы пили водку, пиво и вино,
Число гвоздик все время уменьшалось:
Опавшие летели за окно,
И вот одна, последняя, осталась.

* * *

У каждого ромansa есть приемщица
И усики ефрейторские бедные,
Да медяками пахнут струны медные,
И это никогда уже не кончится.

* * *

Накурившись чуйской масти,
Прилетел солдат из части
В город мой и в город свой,
Сел в метро на кольцевой,

Докатился до конечной,
Обогнув киоск аптечный,
За разменный автомат
В наблюденье сел солдат.

Смотрит в толпы. Ищет спину.
С кем увижу — ножик выну.
Или все-таки одна?
Нету, нету, нету дна.

Голубым с утра завесясь,
Бритвенный крадется месяц,
С ним кувалда в полный рост
На ряды колючих звезд.

Толпы пухнут, опадают,
Серебро в него кидают.
Облака идут, идут.
Его девушку е....

БУРЖУЙКА

Твое тепло внезапно, как слеза,
Как кровь из незаметного пореза,
На черной дверце — красные глаза,
Глаза огня, обутого в железо.

Сгорел поддон, оливковый чурбан,
Сгорела спинка платяного шкафа
Остались только детский барабан,
И рукопись неведомого графа.

Огонь о забастовке говорит,
Уходит в угли, требуя приварка,
И рукопись не просто так горит,
А вспыхивает радостно и жарко.

Ладони улетают в теплый Крым,
И жгут колени черные штанины
Над огненным прочтением твоим
Тяжелой и холодной писанины

Вот так, когда учитель говорит
И берег сонным снегом засекает,
Все дальше лысый лоб его горит,
И часовая стрелка застревает

Но вдруг на полированной воде —
Луна и лик полярного медведя.

Да, правда приплывет на ерунде,
В вагоне шума музыка приедет.

Бетон, сжимаясь, тянется к плечам,
И полчаса влекутся как полгода,
К торцу буржуйки, к серым кирпичам
Прижмусь на пять минут перед уходом.

И дорога измученной спине
Тепла неторопливая опека
Как память о сторовшей в глубине
Культуре девятнадцатого века.

* * *

Художник Аистов выходит из котельной,
Где стал седым, где высидел судьбу,
И замечает: странный черный дым
Идет не из трубы, а на трубу.
Художник смотрит: вроде он не пьян,
Но может, так и надо? Может, это
Дела природы — Инь таранит Ян?
Но в движущейся течке нет просвета.
Полнеба — словно гиря на весу.
Художник лезет в лес на склон затылка:
В котельной есть огромная бутылка
Из-под вина. Пойду-ка принесу.
Меж тучей и землей встает бутылка,
Она торчит, отсвечивая блекло,
Но туча жмет. В эфир несутся стекла
И вермута убийственная гниль.
Тогда подрамник с крашеным холстом,
С малиновым котом встает чудесно
Подпоркой тьмы. Но той неинтересно,
Чем крашен кот. Тьма рвет его. Потом
Художник, как очнувшийся матрос,
За гнущийся подрамник, как за реи,
Цепляясь, лезет в тучу, вверх, скорее!
Зачем? Он сам не знает. Так пришлось.
Вот тьма под ним плывет, толкая свет
На пригород и пыльную дорогу,
На дачников и из велосипед,

У края поля прислоненный к стогу.
Я вижу ночь не глыбой грозовой,
А скопом туч: дельфинов, птиц, овецек...
Смотри: над крайней тучей, над совой,
Руками машет странный человечек.
То Аистов со страшной высоты,
Один, над надвигающейся ночью,
Сзывает света гибнущие клочья
В портреты, в отражения, в цветы.

* * *

Колокол застыл, лишая звук
пищи.
Звук достиг фасадов и застрял
в лепке.
Только у подножья на ветру
нищий
Звякал чем-то сложенным в его
кепке.

С улицы казалось, будто бой
длится.
Я сидел у самого окна
с краю.
Мимо окон вниз
спланировала птица.
Что другие видели, я не знаю.

Колокол, бросающий на лед
деньги.
Ледяной калека, как укор
свету.
Птица, как матрос, летящий
с брам-стеньги —
Верю в эту троицу.
Рисуй эту.

* * *

Серьезные люди в гладких машинах.
От желтого света густеют дымы
Коробок оранжевых, черных, мышинных.
Серьезные люди — это не мы.

Целебные отруби среднего класса
Излечат от внешних и внутренних ран.
Зажегся зеленый, и щелкнула касса,
И новые хлопья летят на экран.

И ты, волочащий здоровую ногу
Вдоль ряда машин от огня до огня
На смерть натрясая себе понемногу
Выходишь куда современной меня.

Не хочешь неслышных играть калькуляций —
Жестянкой учишь грохотать на бегу.
Пора окончательно определяться.
Давно понимаю, да все не могу.

* * *

Каряя бабочка пролетит
Между двух ледников.
Каряя бабочка пролетит
Между серых рогов.
Рог оленя лежит на мху,
Зыбится из костра.
Каряя бабочка пролетит —
И осядет гора
Вслед дрожанию — не нашлось даже на тень крыла —
Будет пропасть, каменный сброс,
радуга, смерть, скала.

* * *

У нас на кухне сделано как в ванной:
Ну, знаешь, мрамор такой гранитный,
И я встаю и начинаю драить —
Другие терпят, а я вот — нет.

Приходит эта и заявляет: «Мама!
Не надо мрамор протирать до дыр».
А я не могу, когда на кухне грязно.
Другие могут, а я вот — нет.

Приходит сын и спрашивает: «Мама,
Ты, наконец, отправила посылку?»
А я не могу манкировать хозяйством.
Другие могут, а я вот — нет.

Приходит внук и спрашивает: «Баба,
Ты что лежишь лицом в собачьей миске?»
А это мрамор стал внезапно черным.
Чем больше чистишь — тем гуще грязь.

* * *

Душа моего поколения — пустой шестиструнный квадрат,
Душа моего поколения — простой полуспившийся брат,
Солист привокзальной скамейки, весь мир заслоняющий
вдруг,
Как звук паровозной жалейки вагонов идущих на юг,

Туда, где над хлопковым полем огромная мама стоит
И в реку воздушную крошит поющий, цветной динамит,
Жара размывает подмостки, в кустах притаились коты
И души, как рыбки-подростки, толкаясь разинули рты.

Упругую рыбку-бананку приятно зажать в кулаке.
Душа заглотила приманку и будет расти на крючке.

Мы часто встречаемся в лобби Венеции, Праги, Афин,
И громкое, детское хобби склоняем, как винный графин,
В котором давно уже сухо, и сколько бы ты не сказал
В графин залетевшая муха гундосит: пора на вокзал.

А там на дороге туриста подобно почтовым тюкам
Застынем вокруг гитариста, и слезы текут по щекам.

Мы плачем о том, что заврались, зажали заряды в душе,
А те, кто разжались, — взорвались, а те, кто взорвались — уже
Под зонтиком хлопковой мамы, поющей цветочным огнем,
В слепящих полях Алабамы, куда мы так долго идем.

* * *

Море я полюбил поневоле,
Море с липкой жарой, полиэтиленом и дерьмом.
Дело не в цвете воды
и запахе соли —
Дело в нем самом.

Море, взвесив, отменяет тело,
Размывает народы, входит в города.
Остается волна.
Только тогда
Можно говорить о пределах.

Мы так долго думали, какими мы кому кажемся,
И искали блох в национальной бороде,
Что скоро, очень скоро окажемся
Со ржавыми пистолетами в руках, спиной к воде.

Лица арабов в бородах дыма
Затрещат на стенах гостиниц,
как брызнувшая на сковородку вода.
Свинцовые секунды
засвистят мимо, мимо, мимо.
И только тогда
Можно будет говорить
о государстве

* * *

Шутку выдумали дикую,
Чуть не сделали зайкою.
Чудо-яма: не окоп она,
Не под трубы яма копана,
Не под логовище зверево.
Посадили в яму... дерево!

* * *

Изольда глядит на летящую воду,
Сотки ему плащ из дождя.
Он в поле, он в чаще в такую погоду,
Построй ему дом из дождя.
И мокрые струны с пещерного фриза
Натянуты юно до самого низа.
Сыграй ему зов из дождя.

В ручье на полу закружилась береста —
Он рядом, он помнит меня!
Закашлялся карлик собачьего роста —
Проснется и выдаст меня.
Везде, где вода, почему-то так гулко,
И грохот борзых завертелся, как втулка.
Он входит, он любит меня.

Я вижу на ели собаку — барона!
Лети напрямую, стрела.
До стука о землю, до хриплого стога —
Втыкайся покрепче, стрела.
И радуга свод протыкает упруго,
И краска стекает до самого луга,
И холмиком на пол ложится кольчуга,
Не гнись, не ломайся, стрела!

Я выпил любовный отвар в одиночку,
И многие также, Земля.

И не с кем поставить любовную точку —
Ты — наша Изольда, Земля.
И темя за цвет подставлявший полудню,
И двор расписавший забытому трутню,
И в гуще арабов расслышавший лютню —
До завтра — ложится Земля.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Бетонный кусок у трезубой развилки, забытый травой.
Дорога направо — на визг лесопилки, на шаг строевой.
Налево, за озером, город зеленый, уютная пасть —
Сосиски там можно достать на талоны.

Судьбу надо красть.

А прямо, за тысячу дней перехода в туманный Китай,
Мерцает и капает слово «свобода».

Звезда.

Загадай.

Свобода упасть в корабельную койку холодной весной,
Уехать рабочим на дальнюю стройку в поселок лесной.

А дальше — совсем уже вольная воля, железная ость,
Железная ласковость зимнего поля, глядящего сквозь.
Старик попадетса, не тронутый спешкой, тряхнет бородой,
Зажмурится жизненной сеткой — усмешкой:

— Иди, дорогой.

За горным забором — алмазные копи, в снегу — часовой,
Огромные степи, болотные топи.

Иди, дорогой.

Без всякого выбора двинулся витязь

Своей из дорог,

А зубья развилки из памяти вытряс,

Как сор из сапог.

МОГИЛА ПРАВЕДНИКА

Вы помните, как пахнет в гротах?
Прохладой, плесенью, мочой.
Просительница в черных ботах
Перед мерцающей свечой

Устали почки, стали почки,
Сестра отсуживает дом,
И три пощечины от дочки,
Как три удара топором.

Фитиль глядит в стаканчик плоский,
Записывает речь огнем,
И отражаясь в жидком воске
Все тонет — не утонет в нем.

* * *

Вам, маслины, помидоры, облака и горы.

По сухой равнине еду к серому потоку
Облаков, упавших с неба с запада к востоку,

Под защиту гор недалних, что зимой вспотели
И шарами куп миндальных в феврале взлетели.

Началось. На солнце таю, выкипаю в пробке,
Над ущельем пролетаю в жестяной коробке.

Тормозя, колодка спела как осипший петел,
Снайпер крестиком прицела голову пометил.

Тот, кого мы призывали, с тем, кто испарился,
В темноте над головами быстро сговорился.

Лозунг — выползок змеиный — на скале остался.
Вот опять я невредимый в сумерках прорвался

К вам, маслины, помидоры, облака и горы.

* * *

Рак пропел: «Я ивритское слово*.
Каждая буква моя — клешня.
Вы не варите меня, а снова
В озеро смыслов киньте меня.

Я пропорю зеленую ряску,
Илистым склоном почапаю вниз,
И подкуплю страшного тезку,
Чтобы жизнь вам не перегрыз».

Пение рака на денежной ноте
Стало пятном седины в бороде:
Банки закрыты, жена на работе.
«Может, пятнадцать копеек возьмете?»
Не отвечают круги на воде.

Брюки роняем на берег осенний,
Лезем в студеную тьму, как ножи.
Патологических нам изменений
Пальцем рентгеновским не покажи.

* Слово «рак» на иврите означает «только»

* * *

Уезжаем. Все в порядке.
Адресов унылый ряд.
И могильные оградки,
Словно детские кроватки
У обочины стоят.

Леса темного мельканье,
Ветра влажного напор
И холодное вниманье
Вечереющих озер.

Приезжаем. Все в порядке.
Надо строить стол, кровать,
Речь записывать в тетрадки,
Как лягушки в тесной кадке,
Масло лапками сбивать.

Овцевозки тарахтенье,
Гор осевшие кули,
За карабканьем — паденье
К морю синему вдали.

* * *

Удар мажорный, звонкий и тяжелый
Пробил во сне и длится, и в окне
Качнулся эхом лист, запахло школой —
Так осень начинается во мне.

В октябрьских аллеях скрыт рояль.
Как дом, кусками гаснет небо сада,
А на земле полудня и зари
Все больше. Звук — почти как речь. Не надо,

Рояль, помилуй, не заговори.
Осенний звук, тянись до твердых борозд,
До черных вязов сложенных, как хворост,
На угли-фонари. И в них — сгори.

* * *

Вздох. Показывает ветер
Листьев светлые изнанки.
Вздох — и все деревья — ивы,
Будто только китаянки
Оплели глазами ветки,
Сбросив веки. Что им платья...
Чьи глаза? — хочу узнать я.
Но у глаз не спросишь: Чьи вы?»
У имен не спросишь: «Где вы?»
Все ничье, ничье, как в поле
Тополь, освещенный слева.
Блеск знакомый. Это Оля.
Взгляд знакомый. Это Ева.

* * *

Церквушка у меня в районе возле Первомая
Неказистая на вид,
Но я ее не трогаю, поскольку я не знаю,
Кто и что за ней стоит.

В Приморском у Петренко на холме свалили Спаса,
Водрузили мехзавод.
Так там то кража, то пожар,
То маляра раздавит каром в мясо,
То монтажник упадет.

В тридцатые года про эту мафию не знали,
Боевые были дни.
Тогда ребята, что могли —
Все к черту разломали.
Ну и где теперь они?

Конечно, бога нет, и это грамотным понятно,
Как то, что мокро под дождем,
Но тронешь эту мафию —
И трупные полезут пятна.
Так что мы уж подождем.

* * *

...И наши тени через тридцать лет
Придут в кафе похвастаться друг другу.
— Я издан!
— В Мариинском — мой балет!
И явственный билет пойдет по кругу,
По призрачному кругу бывших рук.
— А ты, Мишель?
— А я лишился тела,
Но сделался начальником отдела.
Ну что же, все не сразу, все не вдруг.
— За тридцать лет!
— За верность нашим встречам!
— За твой билет!
— Я выпил бы, да нечем.

* * *

Хоть бы субботнего дурмана,
А то, как кошка в камышах.

Вот падишах в трубе кальяна,
Вот падишах в звезде Корана,
Во всех отрезанных ушах.

Чиновник послан на восток.
Вот лодка между островами,
Где ивы машут рукавами.
И путь далек, и друг далек.

— Вперед! Вперед ли, если сзади
Писали Тао и Саади,
Текла вода, пекла звезда.
Смотри, пылинка, пролетая
В луче, совсем как золотая.

Барака мрака щеколда.

* * *

Я не хочу быть мундштуком
С «ВТ» полусырой,
Ни Пушкиным в шкафу глухом,
Ни свитером с дырой.
Не вверюсь даже янтарию.
Любая вещь — репей.
Тебе на память подарю
Бутылку водки. Пей!
Когда завесится обзор
Тяжелых невских вод,
Когда соседка в коридор
Подслушивать придет,
И отзвонит полужена —
От муторных цепей
Уже не дня, еще не сна
Беги за стол и пей.
Когда пшеничным станет свет
И теплым станет нож,
И ты забудешь звук дождя
И цвет соседских рож,
И дрогнет кисть присохшая
В жестянке на окне —
Пусть этим вздохом буду я
И память обо мне.

* * *

Асфальт, асфальт — ты небо.
Недаром тысячи, родившись на земле,
Летят к тебе, крича: «Я не была, я просто не был
В своей Ольховке, Кондопоге и Орле».
Им так легко дышать
В густой воде, где
Проплывают рыбы ЛСД.

Июльский пот на лбу водилы,
За дверцей легкий ветерок,
Перед глазами пишет вилы
Тряпичный черт, футболист, капитан, скоморох.

Из-за экрана голубого,
Где нет ни тени, ни родни,
Он говорит четыре слова:
«Эй ты, не спи, эй ты, не засни».

Водитель спит в потоке стоя
И через третий глаз, ясный глаз, синий глаз
В него течет шоссе пустое,
А туфля жмет газ,
Давит газ,
Славит газ.

* * *

Что поделаться с улицей Крыленко?
Нет у нее старого названья.
В ее прошлом, голом, как коленка,
Только волк, пустырь и кость баранья.

Бригадир автобус заряжает,
Бывшие пьянчуги — инженеры
В выходной отсюда уезжают
Колотить времянки из фанеры.

Улицы, щелястые, как доски,
Ветер, выгибающий картонку,
Крематорий, желтые березки,
И орган, записанный на пленку.

Небеса — вот этого от сердца
И земли, приплюснутой, как пицца.
Есть, где гроыхнуть и развиднеться,
И трамваю есть, где раскатиться.

* * *

Все погорельцы почему-то в черном,
И почему-то все они с крестами.
Они молчат. Их вещи пахнут дерном
И мокрыми горелыми кустами.

И взгляд у них какой-то косо-волчий,
Как будто мы — от их печи заслонка.
— Алеша!
— Вы не видели ребенка?
Не видели. И мы отходим. Молча.

* * *

Весной, когда темнеет лед,
Хозяин — год, готовясь к сплаву,
Зеркальный, круглый плод — державу*
Пускает медленно вперед.

На ней с обрывами плывет
Всецветной пленкой отраженьё
Подледных и воздушных вод.
Она — экран всего движенья.

То перед нами светлый вид
Сухой осенней перспективы,
То колб февральских реактивы,
То майской ночи хлопок завит.

Вокруг нетвердый яркий свет.
Вдруг — серо. Странная погода.
В нас нет такого перехода —
Поэтому и нас в нем нет.

Мы — берега весенних дней,
Витрин и луж. Зеркальной кожи
Держава нам не даст. Ну что же —
Мы будем обручи на ней.

* Держава — золоченый шар с короной или крестом, символ власти монарха.

* * *

Огромная река
И маленький челнок,
И пущенный с мостка,
К нему плывет венок.
На воду тянет цинь
И скрипка с ним не в лад,
Но ветер порвался —
И все летит назад,
И все белей туман,
Все громче рев цикад
На тяге в тот карман,
Где спрятан водопад,
Где все сомнет вода,
Собьет в единый ком.

Но лодка и тогда
Не встретится с венком.

* * *

Богат путеводитель по уму,
Гирлянды знаков стрельчатых и кольчатых,
Но в самый свет сквозь черепную тьму
Меня сопровождает колокольчик.

Дилинь-дилинь, тилинь-тилинь, и все.
Зачем я проболтался и раскрылся?
Язык увяз, как в дюне колесо,
А звонкий корпус ворванью покрылся.

Зато теперь у каждого из вас
Лежит в кармане бронзовое имя.
Попробуйте войти в него сейчас
И встретимся на выходе другими.

СОДЕРЖАНИЕ

«Лает мокрая собака...».....	3
Новостройки	5
Романс	7
«Гол и зол...»	8
«Бинт бумажный от рам...»	9
«Мне нравится твоя...»	10
Димин талант.	11
«Солнце, как маятник...»	12
«Да, шизофреник. Да, больной...».....	13
«Жалко, что мы не осины, не тополи...»	15
«Пришли из-за реки...».....	16
Перевод	17
«Великий шут огромных городов...»	18
Псковская область	19
«Мне было лет десять или двенадцать...».....	20
«Над моей улицей, как она есть...»	22
«Дождливой ночью небо-отец...»	23
«Прости, но наших амулетов...»	24
«Темная осень. Красный трамвай...»	26

«Пилюлькин был прелюбодей...»	27
«Сто грузовиков идут на север...»	29
«Рабочий видит руками...»	30
«Шуршит морская ночь и шепчется с душой...»	31
«Когда я стал старый и страшный...»	32
«Полагается и мне...»	34
«Ахмед идет к Аллаху...»	35
«Сегодняшний день — полукровка...»	37
«На заднем дворе, в набухающем сквере...»	38
«Я вчера городище копал...»	39
«В телевизоре гундосят...»	40
«Восьмимоторная муха...»	41
«— Я родился на рынке, а читать научился в тюрьме...»	42
«Силы зла идут в атаку...»	43
«Можно лес представлять, восседая в зеленой беседке...»	44
«В похожих на захватанное зеркало очах...»	45
«Созрели в сумерках огни...»	46
Врач	47
«Вдали темнеют села...»	48
«Я люблю рядовых...»	49
«В примятом сене шевелились осы...»	50
«Дряхлые господа...»	51
Саше Соколову	52
«Слуга делегаций, гвоздика...»	53
«Все делили. Смотрели, как падает лес...»	54
«Мой город в шесть утра уже открыт...»	55
«Здесь полчаса прожить — работа...»	56
Мобайл	57
«Зима с акватории мыльной...»	57
«Фарцовщики поймали конкурента...»	58
«Литейный пахнет кофе. Опять весна...»	59
«Священник старенький у Бога...»	60
«Дева скачет на коне...»	61

«Из мыла профиль изваял...»	62
«Татарский угол зелен, пуст...»	63
«Рывком зима вошла...»	64
Порицание монаха Никодима за прелюбодеяние и избивание доносчика	65
«Заварили чаю на костре живом...»	67
«Мир сделан из сизого камня...»	69
Отелло	70
«Мальчик Костя любит кошек...»	71
«Ты хочешь прожить, не болея...»	73
«Грузин, татарка, я и двое русских...»	74
«У каждого ромansa есть приемщица...»	75
«Накурившись чуйской масти...»	76
Буржуйка	77
«Художник Аистов выходит из котельной...»	79
«Колокол застыл, лишая звук...»	81
«Серьезные люди в гладких машинах...»	82
«Каряя бабочка пролетит...»	83
«У нас на кухне сделано как в ванной...»	84
«Душа моего поколения — пустой шестиструнный квадрат...»	85
«Море я полюбил поневоле...»	86
«Шутку выдумали дикую...»	87
«Изольда глядит на летящую воду...»	88
Илья Муромец	90
Могила праведника	91
«Вам, маслины, помидоры, облака и горы...»	92
«По сухой равнине еду к серому потоку...»	92
«Рак пропел: «Я ивритское слово...»	93
«Уезжаем. Все в порядке...»	94
«Удар мажорный, звонкий и тяжелый...»	95
«Вздых. Показывает ветер...»	96
«Церквушка у меня в районе возле Первомая...»	97
«...И наши тени через тридцать лет...»	98
«Хоть бы субботнего дурмана...»	99

«Я не хочу быть мундштуком...»	100
«Асфальт, асфальт — ты небо...»	101
«Что поделаться с улицей Крыленко?..»	102
«Все погорельцы почему-то в черном...».....	103
«Весной, когда темнеет лед...»	104
«Огромная река...»	105
«Богат путеводитель по уму...»	106

Илья Беркович
(Беркович Борис Львович)

Стихи

Составление и корректура Е. Эфрос
Дизайн обложки Е. Шварева
Верстка Н. Ямакова

Изд. лицензия ЛР № 065684 от 19.02.98
Подписано в печать 11.08.08. Формат 84x108 ¹/₃₂
Гарнитура Гарамонд. Печ. л. 3,5

Отпечатано издательством «Геликон Плюс»
Санкт-Петербург, В.О., 1-я линия, дом 28
E-mail: info@helicon.spb.su
<http://www.heliconplus.ru>

Илью (Бориса) Берковича в равной степени можно назвать и петербургским — точнее, ленинградским, — и израильским поэтом. В Ленинграде он родился и провел первые тридцать лет, а с 1990 года живет в городе Кирьят-Арба, неподалеку от Хеврона.

Пишет стихи и прозу. Автор двух поэтических сборников, первый из которых вышел в Москве в 1990-м, а второй — в Иерусалиме в 2006 году.

Его произведения также публиковались в рижском журнале «Родник», в альманахах «Васильевский остров» и «Русский разъезд», в поэтической антологии «Поздние петербуржцы» (Санкт-Петербург, 1995), и в «Иерусалимском журнале».

В этой книге представлены избранные стихотворения Ильи (Бориса) Берковича, написанные как до, так и после переезда в Израиль.

ISBN 978 5 93682 496 8

9 785936 824968